

Сад расходящихся тропок

Экспериментальное приложение к

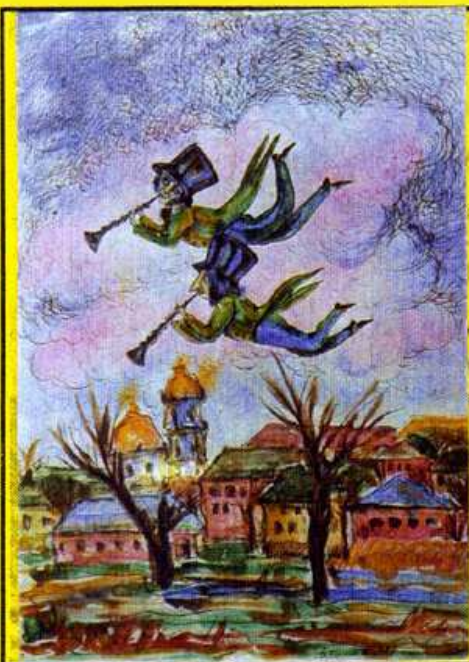
журналу «Зеленая лампа»

Ирина Гаршина

«Пушкин и Гоголь в Сумах»

Проект-миф

№ 1'99

Мою *журнал*

Саг

расходящаяся тропой

№ 1, 1999 год

Независимый
учебный культурологический
благотворительный журнал
(экспериментальное приложение
к журналу «Зеленая лампа»)
Регистрационное свидетельство
СМ № 194 от 30 апреля 1998 года
Выходит с октября 1999 года

Главный редактор
Тамара Борисова
Редактор
Валерий Панасюк
Информационный куратор
Анна Макаренко

Компьютерный набор,
верстка и дизайн - Т.Борисова,
дизайн - И.Гаршина

Журнал безгонорарный.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Переписка с читателями
только на страницах журнала.
Подписано к печати 10 августа 1999 года.
Отпечатано в издательстве «Слобожанщина»
(г. Сумы, ул. Кузнечная, 2, тел. /0542/22-04-00).
Тираж 200 экземпляров.
Распространяется бесплатно.
Продажа экземпляров, выданных редакцией
любым лицам или организациям, запрещается.

Учредитель - Борисова Тамара Владимировна
г. Сумы, Комсомольская, 53,
тел. (0542) 22-73-88

Адрес редакции:

Украина, г.Сумы, ул. Комсомольская, 53
тел.: (0542) 22-73-88

Электронная версия журнала находится в Интернете по адресу:

<http://online.sumy.ua/greenlamp/>

e-mail: otych@sdoumb.sumi.ua

- © Ирина Гаршина, графика и художественная фотография
- © Тамара Борисова, вступительная статья, комментарии, текстовый коллаж
- © Валерий Панасюк, текст раздела «Художник – миф?»

При подготовке «Сада расходящихся тропок» использованы иллюстрации и текст из юбилейного номера журнала "Огонек" № 2–3 (583–584) от 30 января 1937 года, за предоставленный экземпляр которого редакция благодарит **Валентину Петровну Мартынюк**

«Сад расходящихся тропок» и «Регулярный сад» - «новорожденные» приложения к культурологическому журналу «Зеленая лампа». Первое из них - экспериментальное, второе - научное. Это два совершенно разных, но взаимно уравновешивающих издания, названия которых следует воспринимать как «парные». И если «Регулярный сад» (название и обстоятельные, итоговые научные исследования, то в «Саде расходящихся тропок» мы собираемся печатать произведения «экспериментальные», возможно, ученическо-студенческие, иной раз и с «завиральными» идеями, - в общем, такие, которые служат фоном, отправной точкой или питательной средой для строго научных, проверенных временем, а главное - обеспеченных своего рода «золотым запасом» - профессионализмом авторов - теоретических построений. Премьерой «Регулярного сада» стала монография доктора искусствоведения, профессора Национальной музыкальной академии Украины им. П.И.Чайковского Е.С.Зинькевич «Симфонические гиперболы. О музыке Евгения Станковича», а отсылающий к одноименному рассказу Хорхе Луиса Борхеса премьерный выпуск «Сада расходящихся тропок» - это реализация проекта-мифа сумской художницы Ирины Гаршиной «Пушкин и Гоголь в Сумах».

По Борхесу, «Сад расходящихся тропок» - «грандиозная шарада, притча, ключ к которой - время ... <...> ... это недоконченный, но и не искаженный образ мира, каким его видел Цюй Пэн. В отличие от Ньютона и Шопенгауэра [он] не верил в единое, абсолютное время. Он верил в бесчисленность временных рядов, в растущую, головокружительную сеть расходящихся, сходящихся и параллельных времен. И эта канва времен, которые сближаются, ветвятся, перекрещиваются или век за веком так и не соприкасаются, заключает в себе все мыслимые возможности. В большинстве этих времен мы с вами не существуем; в каких-то существуете вы, а я - нет; в других есть я, но нет вас; в иных существуем мы оба. <...> Вечно разветвляясь, время ведет к неисчислимым вариантам будущего».

Идея выпуска «Пушкина и Гоголя в Сумах» родилась после одноименной выставки работ Ирины Гаршиной, состоявшейся год назад в сумском Центре искусств «Собор». В свою очередь, название и ядро выставки составили графические и акварельные листы художницы, возникшие как реакция на расхожие представления о творчестве Пушкина, Гоголя, ских, украинских и зарубежных, композиторов.

Проблема адекватности жизни и творчеством читательскими (слушательскими) массами становится тем большим является масштаб «обрастающей» с течением (идеологическими, и т.п.) смыслами. Эти ния порой заслоняют, источник. И тогда, порою, вопрошавшему: «А платит ли будет?», мы на лице человека как не наполненную готовым или поговорку, воспринимаемую в целом, при полном непонимании составляющих ее частей: «бить баклаши», «разводить туры на колесах»... Страхнуть готовые смыслы помогает пародия (потому что объектом пародии может быть только хорошо известное, привычное).

А вот выдающийся французский ученый XX века Ролан Барт оперирует другим понятием - «миф». По мнению Барта, миф похищает язык, потому что, внедряясь в «тело» какого-то слова или высказывания, миф превращает их в собственную оболочку (путем «вытряхивания» прежнего смысла). Единственным «средством борьбы» с мифом Барт считает «мифологизацию мифа»: «По правде говоря, лучшим оружием против мифа, возможно, является мифологизация его самого, создание искусственного мифа, и этот вторичный миф будет представлять собой самую настоящую мифологию. Если миф похищает язык, почему бы не похитить миф? Для этого достаточно сделать его отправной точкой третьей семиологической системы, превратить его значение в первый элемент вторичного мифа. /.../. Мы беспрепятственно мечемся между предметом и его демистификацией, не будучи в состоянии передать его во всей его целостности, ибо, если мы вникаем в предмет, то освобождаем его, но тут же и разрушаем; если же мы сохраняем всю его весомость, мы проявляем к нему должное уважение, но он остается по-прежнему демистифицированным».

Применительно к Пушкину и Гоголю - кстати, никогда в Сумах не бывавшим, кроме как в квартире и воображении художницы Ирины Гаршиной (да еще в сознании каждого из нас) - в свете всего сказанного можно утверждать, что, демистифицируя эти эстетические объекты, художница предлагает читателям несколько «мифологических путей». Первый: войти в пространство ее мифа, сделать его элементы «отправной точкой» третьей (четвертой, пятой, сотой) семиологической системы. Второй: отвергнуть предложенный проект-миф как несерьезный, «порочающий великих людей» и противоречащий школьным учебникам. И, наконец, третий: вступить в смысловую игру, используя в процессе «демифологизации» собственный эстетический опыт и собственные смыслы.

На избравших третий путь рассчитан этот выпуск «Сада расходящихся тропок». И так, вместо посыпанных песочком, ухоженных аллей - разбегающихся тропки с россыпью цитат. Вместо подстриженного и приглаженного привычного смысла - колючий кустарник бессмыслицы. И в итоге: вместо послушных фигурок на черно-белой шахматной доске - живые люди, авторы не менее живых произведений...

равно как и других русских писателей, ху-

ного понимания и вос-
ства великого человека
тельскими, зрительскими)
более актуальной, чем
таб творческой личности,
нием времени культур-
эстетическими, бытовыми
культурные напластова-
подменяют собой перво-
добно булгаковскому ге-
за квартиру кто, Пушкин
чинаем воспринимать ве-
кую готовую формулу,
смыслом, - как пословицу

«Пушкин - это наше все»

(наиболее употребительная цитата в дни празднования 200-летнего пушкинского юбилея в 1999 году)

«Прошло сто лет со смерти Пушкина. Пало самодержавие, затравившее и убившее его, пал весь строй, где одни люди работали и страдали, а другие ничего не делали и блаженствовали».

Освобожденные народы Советской страны видят в Пушкине величайшего русского поэта, создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы, обогатившего человечество бессмертными произведениями, которые до сих пор будят революционную мысль, зовут к борьбе за великое счастье человечества. Пушкин всем стал нужен и незаменим дорог. Нужен и дорог за свою гениальную поэтическую мощь, за неустранимую мятежность, за неослабевающее искание, за радость и красоту, которыми он напитывает жизнь, за глубокую человечность и культурность, за несравнимую музыку его слова, за благородную простоту и ясность речи...

Книги Пушкина выходят в миллионах экземпляров и моментально всасываются читательскими массами, как ведро воды сухими песками пустыни. Его знают все. Он переведен на языки самых когда-то отсталых народностей Советского Союза. Сбылось предсказание Пушкина:

СЛУХ ОБО МНЕ ПРОЙДЕТ ПО ВСЕЙ РУСИ ВЕЛИКОЙ.
И НАЗОВЕТ МЕНЯ ВСЯК СУЩИЙ В НЕЙ ЯЗЫК,
И ГОРДЫЙ ВНУК СЛАВЯН, И ФИНН, И НЫНЕ ДИКОЙ
ТУНГУЗ, И ДРУГ СТЕПЕЙ КАЛМЫК

(В. ВЕРЕСЛАЕВ)

ПУШКИН НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

«Китайский читатель знает Пушкина, так же как знают его в десятках европейских стран. На китайский язык переведены «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», «История села Горюхина», «Дубровский» и др. Особенно хорошо известны в Китае пушкинские сказки «О рыбаке и рыбке», «О царе Салтане», «О попе и работнике его Балде», «О золотом петушке».

Ряд китайских литературных журналов, «Ивэн» («Переводная литература»), «Вень сатель» и другие, выпустил в 1936 году уроченные к столетию со дня смерти поэта.

«Ивэн» в пушкинском номере напечатал Пушкина - статью М.Слонимского, «Пушкин - Евгению Онегину» Н.Некрасова и помещений: «Египетские ночи», «История села Журнал дает иллюстрации к «Сказке о петских ночах», «Сказке о мертвой царевне В номере много портретов поэта в раз- В последние годы в Китае создана но- яемом латинизированном алфавите. В 1936 тано много пушкинских переводов.

Интерес к Пушкину в Китае непрерывно- советский фильм «Дубровский». Заключива- столетнему юбилею. В переводах лиричес- ный китайский поэт Эми Сюэ».

как, например, «Гуан-Мин» («Свет»), Сюэ» («Литература»), «Цзо-Цзя» («Пи- специальные пушкинские номера, при-

тал статью Горького о Пушкине, «Сказки кин в музыке» - Н.Арденса, предисловие к тил переводы целого ряда пушкинских произ- Горюхина», «Сказка о рыбаке и рыбке» и др. царе Салтане», «Золотому петушку», «Еги- и семи богатырях».

ные годы его жизни.

вая письменность, основанная на легко усво- году на латинизированном алфавите напеча-

но возрастает. Недавно в Китае был показан ется новое издание лирики Пушкина к его ких стихотворений принимает участие круп-

Обложка китайского журнала «Ивэн» («Переводная литература») от 16/X 1936 г. Номер посвящен Пушкину.

(Тексты и иллюстрация взяты из журнала «Оуэнь» № 2-3, 1937 г.)

«Кого ж любить? Кому же верить?
Кто не изменит нам один?
Кто все дела, все речи мерит
Услужливо на наш аршин?
Кто клеветы про нас не сеет?
Кто нас заботливо лелеет?
Кому порок наш не беда?
Кто не наскучит никогда?
Призрака суетный искатель,
Трудов напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предмет достойный: ничего
Любезней, верно, нет его».

(А.С.Пушкин, «Евгений Онегин»)

«Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей,
Да после скучного обеда
Ко мне забредшего соседа,
Поймав нежданно за полу,
Душу трагедией в углу,
Или (но это кроме шуток),
Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных строф,
Они слетают с берегов».

(А.С.Пушкин, «Евгений Онегин»)

ПУШКИН В ЛАГЕРЕ ШМИДТА

«... Книги сыграли огромную роль в сплочении коллектива. Я укажу на такой пример. Наиболее неподготовленным звеном состава челюскинцев были, естественно, строительные рабочие, сезонники, не привычные к коллективной жизни, впервые оказавшиеся на море и, конечно, никогда не ожидавшие такого исхода - оказаться на льдине вдали от материка. С этими товарищами была проведена большая воспитательная работа еще на корабле, и общекультурная, и политическая, и всякая иная, но они все еще были несколько сыроваты. Особенно меня заботило, как они воспримут положение, как они сумеют себя сохранить как члены коллектива. И вот большую роль, оказалось, сыграло чтение Пушкина. Среди наших четырех книг был один томик Пушкина, и мой заместитель - Баевский, великодушный отец, каждый вечер забирался в палатку строителей, а иногда и в другие палатки, читал и комментировал Пушкина, которого строители вообще впервые узнали. Пушкин не имел прямого отношения к льдине и к строительству социализма, но исключительные качества пушкинского стиха, о которых не стоит говорить какими-либо эпитетами, настолько расширили восприятие жизни этими товарищами, настолько в богатстве пушкинской поэзии каждое настроение каждого дня получало свой художественный символ, художественное отражение, что психика строителей под этим влиянием организовалась не меньше, чем под влиянием прямой агитации. На основе поэзии люди лучше понимали, что наша жизнь на льдине не есть какой-то замкнутый в себе отрезок, лучше понимали связь этой жизни коллектива на льдине с жизнью всей страны, и через какие-то далекие передаточные инстанции - со всем человечеством; люди лучше понимали, что свою маленькую судьбу нельзя рассматривать в отрыве от общей, и люди заражались глубокой верой в важность того дела, которое мы делаем, и глубокой верой в силы нашей советской родины и нашей партии».

Из речи О.Ю.Шмидта на первом Всесоюзном съезде советских писателей, напечатанной в юбилейном номере «Огонька»

САМЕД ВУРГУН
ПУШКИНУ

Перевод с тюркского

Я два года с тобой с глазу на глаз провел, -
Для тебя не жалел бы и тысячи лет!
Твой роман я на тюркский язык перевел, -
Ты доволен ли, русский великий поэт?

Люди наших аулов не знали тебя.
Ты не умер: ты ныне родился для нас!
Как трудна мне задача была! Но, любя,
Завершил я завещанный мне пересказ.

Это - сталинский век! Небывалый расцвет.
Он пришел - золотой справедливости час.
Просыпайся, затравленный, мертвый поэт!
Ты не умер - ты только родился для нас.

«Как грустно мне твое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови!»

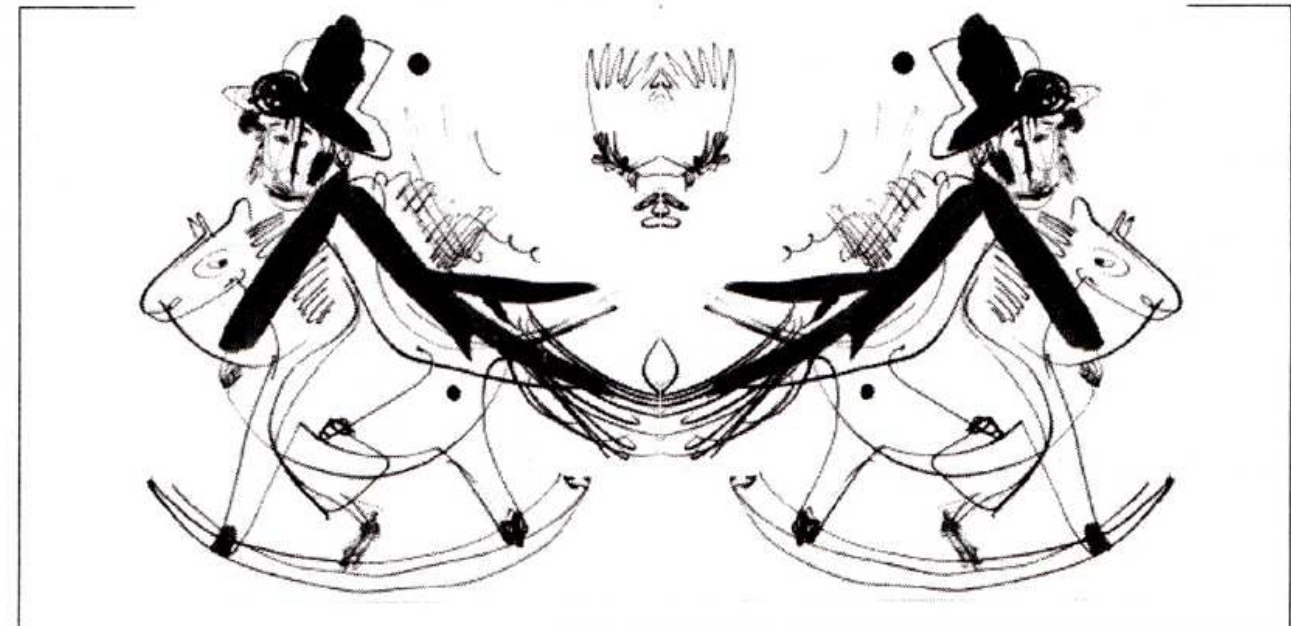
Да, печальна живая улыбка твоя! -
Рот смеется, а взор застилает туман...
Если б знал ты счастливые наши края!..
Я люблю, я жалею тебя, великан!

Если б видел ты наши счастливые дни,
Веселился бы, долго и сладостно пел...
Побеседуем. Ночью мы дома одни.
Лист бумаги еще непорочен и бел.

За работой, в почных обращениях к тебе
Вдруг я понял, как званье "поэт" велико.
В неусыпной оно достается борьбе,
И, швыряясь им, как ошибиться легко!

Но клянусь: в людях нашей эпохи живой
Столько сил, что для нас невозможного нет.
Он растет - ученик неожиданный твой,
Добиваясь высокого званья "поэт".

(Текст стихотворения и верхняя иллюстрация взяты из журнала «Огонек» № 2-3, 1937 г.)

А.С.Пушкин
Портрет худ. Н.Шведе-Радловой
(Пушкинский конкурс, 1936 г., Ленинград)

Вся страна моя - песен широкий яйлаг -
Многоцветный, нагорный, ликующий дуг.
Слышишь легкого ритма уверенный шаг?
И слышал ли когда-нибудь слово "ашуг"?

Весь народ мой - старинное племя певцов -
Принимай доказательства братской любви:
Раскрываем ворота народных дворцов,
Наряжаемся в лучшие ткани свои!

Это - сталинский век! Небывалый расцвет.
Он пришел - золотой справедливости час.
Просыпайся, затравленный, мертвый поэт!
Ты не умер - ты ныне родился для нас.

Ирина Гаршина. Дуэль

ПУШКИНСКИЙ ЮБИЛЕЙ В КРАСНОЙ АРМИИ

«В углу соседней комнаты перед большим мольбертом сидит боец тов. Коротков. Вот уж который день он работает над рисунком. Это - портрет великого русского поэта А.С.Пушкина. Тов. Коротков делает рисунок сангиной и углем.

- Трудная задача, а надо сделать на "отлично". Ведь этой мой любимый писатель.

Боец кавалерийской дивизии имени Сталина тов. Коротков готовится к пушкинской выставке самодеятельного искусства. Кроме портрета поэта он делает иллюстрации к стихотворению "Черная шаль", подготавливает эскиз к живописному полотну "Дуэль Пушкина с Дантесом".

- На этой картине я думал изобразить смертельно раненного поэта с пистолетом в руке. Дантеса на полотне не видно, а только на снегу маячит его тень. За ней, где-то в дымке, фигура Николая I, свитские генералы, дворцовая челядь. Вот на них-то и направлен пистолет упавшего поэта. Мне кажется, что он хочет выстрелить в гнилую Россию генералов, помещиков и царских слуг.

Несколько месяцев назад в Изостудию имени художника Грекова пришла работать жена политрука Пролетарской дивизии Любовь Ивановна Шильникова-Петрова. Она молодой начинающий скульптор. У нее всего несколько больших работ - портрет мужа, большая фигура бойца испанской народной милиции. Сейчас она занята работой, посвященной А.С.Пушкину. /.../

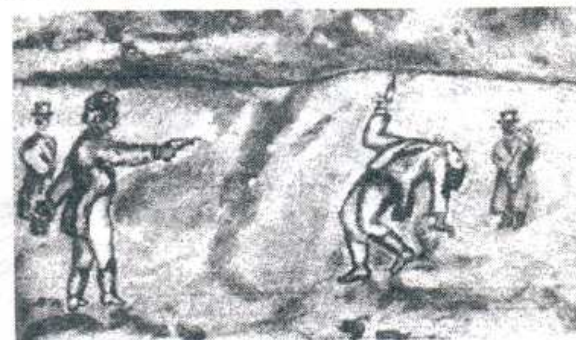
Наша Красная Армия успешно готовится к великому юбилею. /.../

Готовятся к пушкинским дням и наши краснофлотцы. От Тихого океана до Черного моря на военных кораблях и подводных лодках знают и любят великого поэта А.С.Пушкина.

Газетные заметки несут нам вести о том, как военные моряки готовятся к пушкинским дням. Так же как в кавалерийских, инженерных и пехотных частях, во флоте работают над спектаклями, пишут картины, слушают лекции.

Драматический кружок соединения катеров Черного моря поставил спектакль "Цыганы". Краснофлотец тов. Козловский к пушкинской выставке самодеятельного искусства готовит большое полотно "Дуэль Пушкина". В военно-морских библиотеках с успехом проходят беседы на темы: "Жизненный путь Пушкина", "Гражданская поэзия Пушкина", "Лирика Пушкина" и т.д.»

Ю.Арди

Дуэль Онегина с Ленским. Лева Герасимов, 15 лет. Саратов

(Текст и нижняя иллюстрация взяты из журнала «Огонек» № 2-3, 1937 г.)

Краеведческий миф состоит в основном из трех элементов:

а) наш писатель (художник, скульптор, композитор и т.д.) - самый талантливый на всей земле;

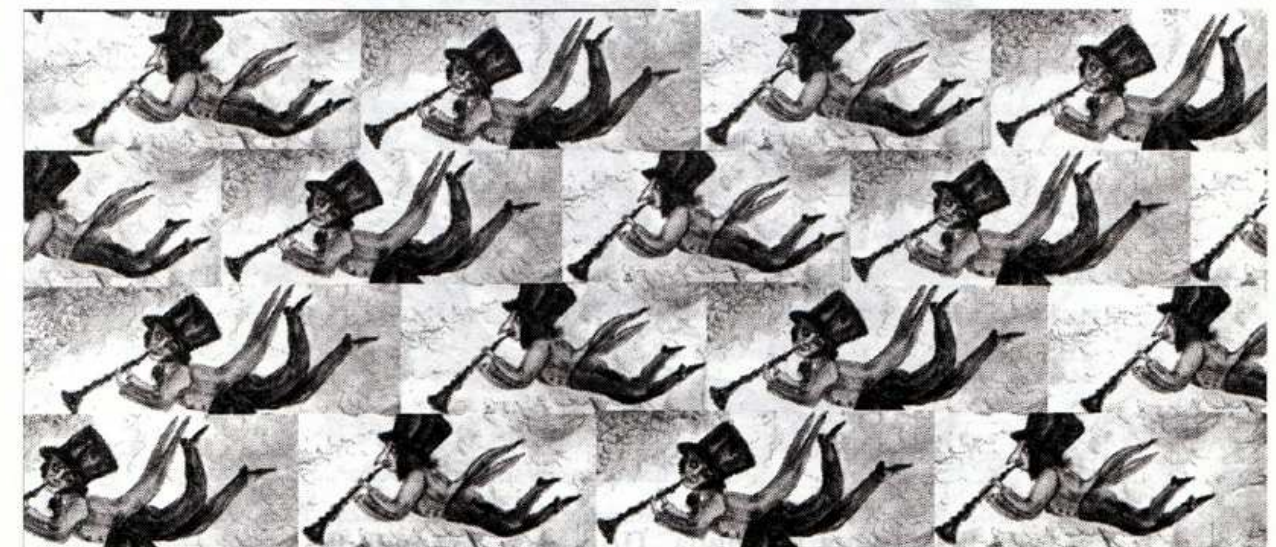
б) потому что он родился у нас, в самом лучшем месте на всей земле;

в) это самое лучшее место на всей земле и послужило единственным источником вдохновения, а вся предвдущая жизнь в других местах не имела ни малейшего значения.

Почти все краеведческие изыскания, путеводители и прочая популярная литература краеведческого характера содержат сакральную фразу: только такая великая (поэтическая, прекрасная, красивая) земля с чарующей (волнующей, поэтичной, дуйной) природой, ее густыми (сосновыми, березовыми, громадными) лесами, просторными (широкими, необъятными, бескрайними) полями, с ее быстрыми (глубокими, тихими, прозрачными, поэтичными, спокойными, стремительными) реками могла породить (вдохновить, вскормить, взлелеять) такой громадный (уникальный, незаурядный, поистине масштабный (народный, природный) талант, как наш писатель (художник, скульптор, композитор) - см. следующую страницу.

Ирина Гаршина. Пора, мой друг, пора...

Ирина Гаршина. Фрагмент обоев с гобоями

«Васильевка стала колыбелью гения. Она его растила, воспитывала. Здесь слушивался он к украинским песням, яркой народной речи, ощутил впервые романтику сказаний и легенд, питавших впоследствии писательскую фантазию».

Гоголевские места на Украине. Фотоальбом. - К.: Мистецтво, 1990.

«Вакула» писався з великим піднесенням. Надихала чарівна українська природа, чудові пахощі трав і квітів. Композитор багато ходив серед полів, прислухаючись до музики природи, до співів дівчат, зайнятих роботою. /.../ Чемає сумніву в тому, що тривале перебування композитора на Україні, його знайомство з побутом, мистецтвом, народом України мало величезне значення для успішного створення однієї з видатних опер великого композитора».

Височинська Л.Й., кандидат мистецтвознавства. Чайковський і Україна. Стенограма публічної лекції. - К., 1955. - С. 14-15.

Ирина Гаршина. По улице Заливной

«Здесь в каждом уголке чувствуешь незримое присутствие Пушкина. /.../ Михайловское обладает способностью придать творческий импульс, вдохновить поэта, композитора, художника».

Тод сенью михайловських рош. Картини В.Д.Ездакова. Комплект из 14 открыток. - М.: Советский художник, 1985.

Ирина Гаршина. Двор на Соборной

«А иногда люблю сойти на минуту в сферу этой необыкновенно уединенной жизни, где ни одно желание не перелетает за частокол, окружающий небольшой дворик, за плетень сада, наполненного яблонями и сливами, за деревенские избы, его окружающие, пошатнувшиеся на сторону, осененные вербами, бузиной и грушами. Жизнь их скромных владетелей так тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желания и беспокойные порождения злого духа, возмущающие мир, вообще не существуют и ты их видишь только в блестящем, сверкающем сневидении. А отсюда вижу низенький домик с галерею из маленьких почернелых деревянных столбиков, идущую вокруг всего дома, чтобы можно было во время грома и града затворить ставни окон, не замочась дождем. /.../ Тут перед домом просторный двор с низенькою свежеею травкою, с протоптанною дорожкой от амбара до кухни и от кухни до барских покоев /.../ - все это для меня имеет неизъяснимую прелесть, может быть, оттого, что я уже не вижу их и что нам мило все то, с чем мы в разлуке».

Гоголь А.В. Староветские помещики. - В кн.: Гоголь А.В. Творения. - М.: Художественная литература, 1979. - С. 84-85.

ПРОФАННЫЙ МИФ (ЖИЗНЬ)

«Несмотря на великие преимущества, коими пользуются стихотворцы (признаться, кроме права ставить винительный вместо родительного падежа после частицы не и кой-каких еще так называемых стихотворческих вольностей, мы никаких особенных преимуществ за стихотворцами не ведаем) - как бы то ни было, несмотря на всевозможные их преимущества, эти люди подвержены большим невыгодам и неприятностям. Не говорю о их обыкновенном гражданском ничтожестве и бедности, вошедшей в пословицу; о зависти и клевете братья, коих они делают жертвами, если они в славе, о презрении и насмешках, со всех сторон пада-

ющих на них, если произведения их не нравятся - но что, кажется, может сравниться с несчастьем для них неизбежным; разумею суждения глупцов? Однако же и сие горе, как оно ни велико, не есть крайним еще для них. - Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца - есть его звание, прозвище, коим он заклеймен и которое никогда его не покидает. Публика смотрит на него как на свою собственность, считает себя вправе требовать от него отчета в малейшем шаге. По ее мнению, он рожден только для ее удовольствия и дышит для того только, чтоб подбирать рифмы».

(А.С.Пушкин. Отрывок)

ПРОФАННЫЙ МИФ (ЖИЗНЬ)

«Он носил ногти длиннее ногтей китайских ученых. Пробуждаясь от сна, он сидел голый в постеле и стрелял из пистолета в стену. Но уединение посреди развалин наскучило ему, и он переехал жить к Алексею. Утро посвящал он вдохновенной прогулке за город, с карандашом и листом бумаги; по возвращении лист весь был исписан стихами, но из этого разбросанного жемчуга он выбирал только крупный; не более десяти жемчужин; из них-то составлялись роскошные нити в поэмах: «Кавказский пленник»,

«Разбойники», начало и мелкие произведения, танные и не напечатанное время этих-то прогулок «К Овидию» и сказал:

«Онегина» напечатанные. Во он писал

Но если обо мне потомок поздний мой,
Узнав, придет искать в стране сей отдаленной
Близ праха славного мой след уединенный, -
Брегов забвения оставя хладну сень,
К нему слетит моя признательная тень,
И будет мило мне его воспоминанье...
Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на брега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал,
И ни единый друг мне в мире не внимал, -
Но не унижил ввек изменой незаконной
Ни гордой совести, ни лиры непреклонной».

Известный и неизвестный Пушкин.
Отрывки из воспоминаний современников
(А.Ф.Вельтман) // Молодежная эстрада. -
1999. - № 1-2. - С. 51.

Ирина Гаршина. Велопробег на Псельскую

Обилие смешных или неприятных подробностей из жизни замечательных людей чаще всего объясняется несовпадением личностных масштабов вспоминающего и вспоминаемого. Посредственность запоминает в великом человеке лишь то, что близко и понятно ей, что доступно ее сознанию. Ведь заметили, например, мемуаристы, что Пушкин отращивал длинные ногти, Гоголь страдал золотухой и вечно ходил с обвязанной щекой, что Мандельштам и его жена залезали на кровать в грязной обуви, пачкая чужое покрывало, что у Маяковского не было нижних зубов, что во время знакомства с Сергеем Есениным Айседора Дункан была пожилой полной женщиной с дряблой кожей...

Вот результаты опроса дворовых, запомнивших Пушкина:

«Оказалось, жив еще один старик Петр, служивший кучером у Александра Сергеевича. Отыскали Петра. Старик он лет за 60, еще бодрый, говорит хорошо, толково...

- Ну, покажи нам, Петр, где тут больше проводил время твой покойный барин,

Где почивал он, кофий кушал,
Приказчика доклады слушал.

- Э, батюшка, наш Александр Сергеевич никогда этим не занимался: всем староста заведывал; а ему, бывало, все равно, хошь мужик спи, хошь пей: он в эти дела не входил.

А жил он вот тут, пожалуйста... Вот тут все у него было: и кабинет, и спальня, и столовая, и гостиная.

Смотрим: комната в одно окно, сажени в три, квадратная.

- Тут у него столик был под окном. Коли дома, так все он тут, бывало, книги читал, и по ночам читал: спит, спит, да и вскочит, сядет писать; огонь у него тут беспереводно горел. /.../

- Скучал он тут жить-то?

- Да, стало быть, скучал; не поймешь его, впрочем, мудреный он тут был, скажет иногда ни ведь что, ходил этак чудно: красная рубашка на нем, кушаком подвязана, штаны широкие, белая шляпа на голове: волос не стриг, ногтей не стриг, бороды не брил - подстрижет эдак макушечку, да и ходит. Палка у него завсегда железная в руках, девять фунтов весу; уйдет в поля, палку кверху бросает, ловит ее на лету, словно тамбур-мажор. А не то дома вот с утра из пистолетов жарит, в погреб, вот тут за баней, да раз сто эдак и выпалит в утро-то. /.../

Ярмарка тут в монастыре бывает в девятую пятницу перед петровками; ну, народу много собирается, и он туда хаживал, как есть, бывало, как дома: рубаха красная, не брит, не стрижен, чудно так, палка железная в руках; придет в народ, тут гулянье, а он сядет наземь, соберет к себе нищих, слепцов, они ему песни поют, стихи сказывают. /.../

- Случилось ли тебе видеть Александра Сергеевича после отъезда из Михайловского?

- Видел его еще раз потом, как мы книги к нему возили отсюда... Много было. Помнится, мы на двенадцати подводах везли; двадцать четыре ящика было; тут и книги его и бумаги были».

Известный и неизвестный Пушкин. Отрывки из воспоминаний современников (П.Парфенов) // Молодежная эстрада. - 1999. - № 1-2. - С. 57-59.

ПРОФАННЫЙ МИФ (ЖИЗНЬ)

«В числе минутных очаровательниц Пушкина была г-жа Е. [Эйфельдт], которой миловидное личико по своей привлекательности сделалось известным от Бессарабии до Кавказа. К ней-то писал Пушкин, в одном из шуточных своих посланий, что:

Ни блеск ума, ни стройность платья
Не могут вас обворожить;
Одни двоюродные братья
Узнали тайну вас пленить!
Лишили вы меня покоя,
Но вы не любите меня.
Одна моя надежда - Зоя:
Женюсь, и буду вам родня... и проч.

Муж этой Е. был человек довольно странный и до того заклятый нумизматик, что несравненно больше занимался старыми монетами, чем молоденькою женою, и наконец нумизматик до того надоел жене своей, что она смотрела на него, как на такую монету, которая и парале [самая мелкая монета Молдавии] не стоит. У себя дома он был посторонним, а в обществе - как охранная стража - ее окружали родственники: то Алеко, то Тодораки, то Костаки [Александр, Федор, Константин]. Все эти господа считались ей двоюродными братьями; так тут поневоле скажешь: «Одни двоюродные братья узнали тайну вас пленить».

Но все же у Е. искателей было много, и в числе их особенно общий наш приятель Алексеев. Но этот поклонник довольство-

вался одним только созерцанием красоты и вполне был счастлив повременным взглядом ее очей или мимолетным приветом радужного слова.

ПРОФАННЫЙ МИФ (ЖИЗНЬ)

В домашнем быту муж Е. постоянно раскладывал пасьянс и толковал о монетах; она делала что-нибудь, т.е. шила или вязала, а наш приятель, с своею чинною скромностью, усевшись в привычном уголку, занимался меледою».

Известный и неизвестный Пушкин. Отрывки из воспоминаний современников (В.П.Горчаков) // Молодежная эстрада. - 1999. - № 1-2. - С. 51.

«В дни болдинской осени Пушкин заехал однажды в соседнее село Апраксино. Был скучен, чем-то недоволен; барышни затеяли разговор о «Евгении Онегине», он отмалчивался, рисуя что-то в альбоме одной из них.

- Александр Сергеевич, зачем вы убили Ленского? Варя весь день плакала!

Пушкин, не поднимая головы от альбома и оттушевывая набросок, спросил шестнадцатилетнюю Варю:

- Ну а вы, Варвара Петровна, как бы кончили эту дуэль?

- Я бы только ранила Ленского в руку или в плечо, и тогда Ольга ходила бы за ним, перевязывала бы рану, и они друг друга еще больше бы полюбили.

Разговор, кажется, начал занимать Пушкина.

- А вы как бы кончили эту дуэль? - обратился он к другой сестре.

- Я ранила бы Онегина, Татьяна бы за ним ходила, и он оценил бы и полюбил ее.

- Ну нет, он Татьяны не стоил...».

Гоголь знакомит своих сестер с Пушкиным

Болдинская осень. Стихотворения, поэмы, маленькие трагедии, повести, письма, критические статьи, написанные А.С.Пушкиным в селе Болдине Лукояновского уезда Нижегородской губернии осенью 1830 года / Составитель Н.В. Колосова. - М.: Молодая гвардия, 1974. - С. 441.

«Почему великих писателей так часто не понимали современники и понимали потомки? Ведь не обязательно же потомки умнее современников. Да и не всегда и не ко всем великим писателям современники были равнодушны. Здесь всякий раз сбрасываются сложные соотношения.

Рецензии на «Войну и мир» похожи сейчас на хулиганство. Никто (кроме Страхова) ничего не понял. Если кое-что в отдельности и понимали, то никто даже отдаленно не догадывался о масштабе. Впрочем, все признавали наличие «художественного таланта». Кое-кто даже писал - хорошо, мол, что талант не первостепенный, потому что тогда это было бы очень вредно. [...] С Пушкиным прощай, потому что для Пушкина масштаб нашел Толстой. Этот момент вполне уловимый. Уловить же момент, когда были поняты размеры Толстого, - трудно.

«Война и мир» представлялась архаичной, не имеющей отношения к насущным вопросам времени. Между тем прошло некоторое количество лет, и люди стали мыслить и понимать себя по Толстому. Оказалось, что он выражает и в то же время формирует их сознание. Почему же это не обнаружилось в момент опубликования романов, которые и были фактом высшей, создающей актуальности и современности?

Понятие современности включает ряд сосуществоющих пластов, вернее, оно подобно сочетанию расходящихся концентрических кругов, из которых последние, наиболее удаленные от центра сегодняшнего дня, - уже расплываются в прошлом и будущем. Понятие современности аналогично условному и сложному понятию настоящего в применении к отдельному человеку.

[...] неправильно говорить, что гений работает на потомство. Нельзя работать, по крайней мере нельзя хорошо работать на того, чьи потребности неизвестны, и нельзя выражать и воплощать несуществующее. Гений, больше чем кто бы то ни было, работает на современность, но на современность другого масштаба. Будущее, потомство - это для него только полемика со злобой текущего дня.

Отношения большого писателя со сверстниками не более благоприятны, чем его отношения с поколениями. (особенно это писатели) за позициях своей Великого свершего дальше, вот понимать, что он испорчен то делает, он неудачно ся к новым по-
 Журке всего, докладывают его одобряют. Они одобряют его в узком, устаревшем эстетическом понимании, которое для него оскорбительно.

младши или сверстники ропщут на молодости. стника, иду- они перестали, что он иногда - что подлаживает поколения. если они про-

Пушкин прошел через все эти муки. Новые поколения, начиная с поколения 30-х годов, считали его неактуальным. Сверстников он перестал удовлетворять, как только перерос декабристский рубеж, начиная с первых глав «Онегина». Пушкин объявлен был устаревшим в период, когда он разрешал насущнейшие проблемы современности большого масштаба. [...]

Но Пушкин не дожил до поколений канонизирующих. До того момента, когда гений, не переставая быть современником, то есть не переставая для людей своего времени осуществлять акт осознания и принадлежности действительности, - в то же время становится каноничным. Когда к нему подбирается уже другая плоча. До этих поколений дожили великие старцы - Тютчев, Толстой. Тютчев бывает адекватен своим современникам в юности и в старости, но зрелость его, пора его творческой полноты - часто трагедия».

Гинзбург Л. Литература в поисках реальности.

Статьи. Эссе. Заметки. - Л.: Советский писатель, 1987. - С. 114-118.

Случай № 12

«Лев Толстой очень любил детей. А взрослых терпеть не мог, особенно Тургенев. Как увидит, так и фрсеится с костылем, и все в глаз поровит, в глаз. А тот делает вид, что ничего не замечает, говорит: "О! Толстой! О!"

Случай № 6

Случай, приписываемые Хармсу

«Лев Толстой очень любил детей. Однажды он шел по Тверскому бульвару и увидел идущего впереди Пушкина. Пушкин, как известно, ростом был невелик. "Конечно, это уже не ребенок, это скорее подросток, - подумал Лев Толстой. - Все равно, дай дорогу и пошмыгу по колесу". И побесил догонять Пушкина. Пушкин же, не зная толстовских намерений, фрсеился наутек. рдовое, сей возмущен неприлюдном месте и всему с целью сс-пресса потом пи-литераторы по-вильно со стороны
 Пробегая мимо о-странице порядна был мвной быстротой в бегах устремился тановки. Запуганная сама, что в России вероятно преследо-властей.

«Влестанов. В хороших или акт-
рисами знаком. Я ведь тоже разные во-
девилочки... Литераторов часто вижу.
В Пушкинском на уфурской пою. Быва-
ло, часто говорю ему: «Ну что, брат
Пушкин?» - «Да так, брат, - отвечает,
бывало, - так как-то все...» Большой ори-
гинал».

Тосма Н.В. «Ревизор».

И. Харис

Случай № 4

Одновременно Пушкин стрелялся с Тосмой. Пушкин говорит:

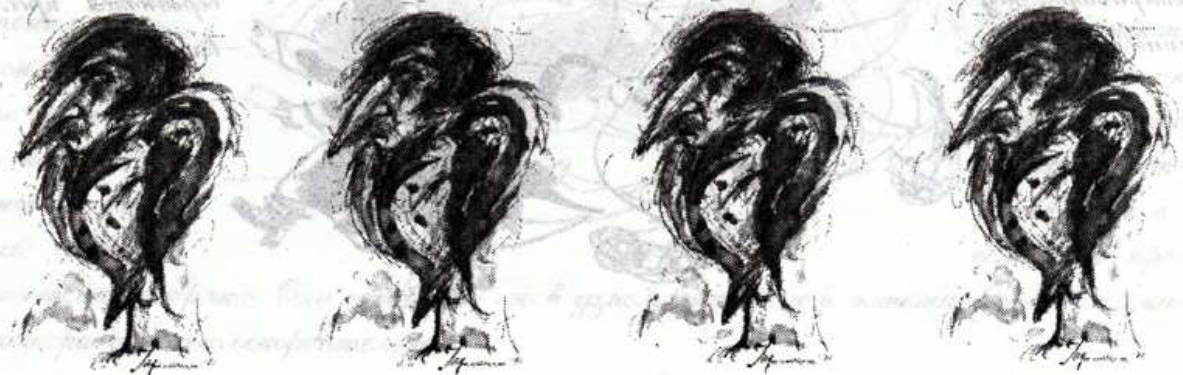
- Стреляй первый ты.
- Как ты? Нет, я!
- Ах, я?
- Нет, ты!

Так и не стали стреляться.

«Всему за Пушкинским Тосма продолжает и углубляет подлинную народность как главную правду жизни».

Пушкин шедро и радостно оценил первые шаги в литературе молодого писателя, став его учителем и другом».

Войтушенко В. Д. Прозный сатирик. - Вступительная статья. - Тосма Н.В. Ревизор. Мемориа. Невский проспект. Нос. - Н.: Дніпро, 1977. Серия «Школьная библиотека». - С. 6.

«Все это принадлежит к числу действительных, но заштатных фактов, как то, что у скандинава поу рясей - брюки и у актера поу гамлетовским каблуком - сорочка из коопера-
тива. Об этих тах размышля-
ли и я по и что поу резва-
лица в сущности череп и что у са-
го человека есть

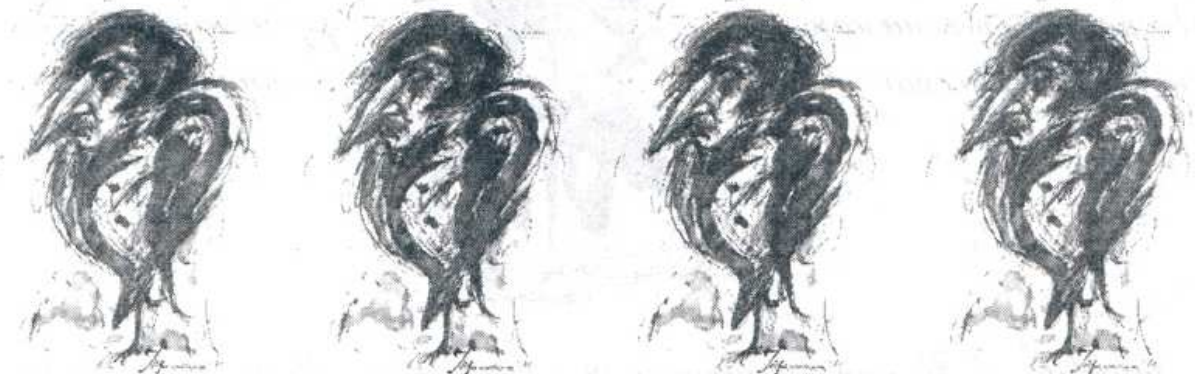
Это люди с шипами к миру, действитель-
но любовью принци-
пальной эссенции, запаха и тления, чают генералами. Они начинают их сбавать, что мниная реало-
кожа и яды - выходя. Они ду-
того чтобы полу-
губы, нужно сте-
ную помаду, и голова - та, с ко-
скалом. Так по жизни бредят люди, уверенные в том, что, сдвигая с вещей козлу и козлицу, они получают сущность».

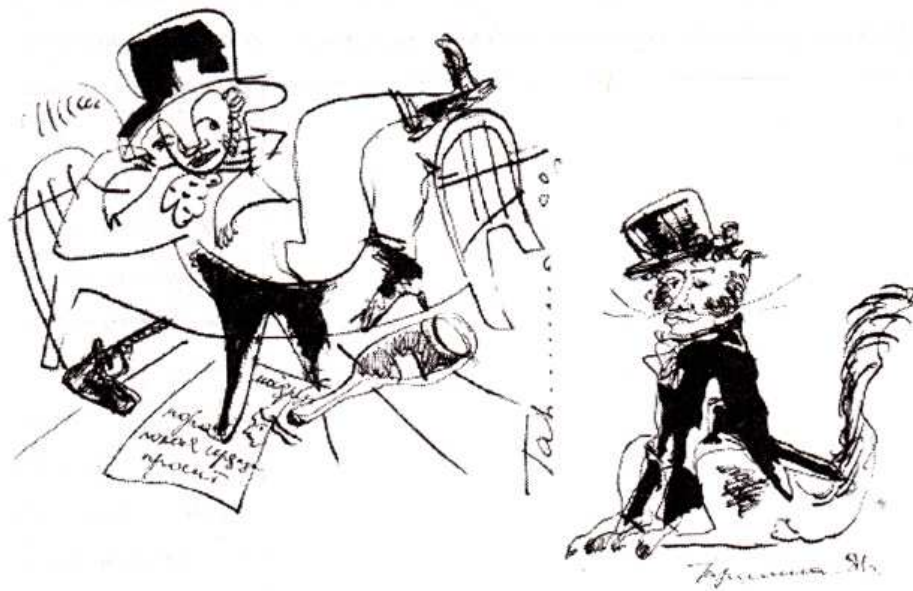

Ирина Гаршина. Н.В.Гоголь - фотомодель

заштатных фак-
тов люди, раз-
также поу тем,
той кассей юного
находится самый
лого образованно-
кишки.
наивным отно-
Они умиляют
ность. Умиляют
ком на носу любви
умиляют смерть
литературу уми-
и печатками.
догадываться, что
кишки и есть поу-
ность, а молодая
шарлитанский
мают, что для
что настоящие
реть с них губ-
что настоящая
торой снят

Гинзбург А. Литература в поисках реальности. Статьи. Эссе. Заметки. - Л.: Советский писатель, 1987. - С. 200-201.

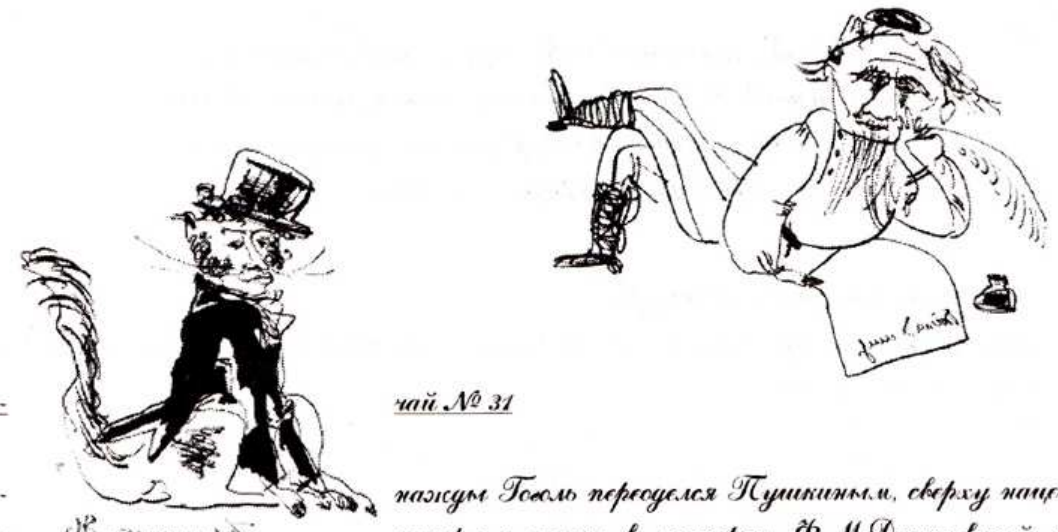
«Историчным, социально продиктованным является и самое интимное сознание человека. Мне пришлось наблюдать, как среди моих сверстников с отроческого возраста быстро и уверенно складывался тип интеллигента с надрывом (душевные глубины, крайняя автоспсихологическая заинтересованность, перебои психического аппарата, которые сразу эстетизируются) - и как этот унаследованный склад оказался решительно не к истории.

Благо тем, кого исторический вкус, жизненное чутье, молодость уберегли от дальнейшей идеологизации надрывов. На потенциального, полужестового человека произошло наложение другого человека с другими социальными качествами.

Время сообщило поколению уважение к душевному и физическому здоровью, к действию, приносящему результаты; интерес к общему; восприятие жизни в ее социальных разрезах. Время сообщило ему профессионализм, непрезентабельность, черновому либовое отношение к труду; легкую презрительность к душевным безднам, тетизму».

Гинзбург А. Из старых записей. 1920-1930-е годы. - Цит. соч., с. 220-221.

Слу-

О г - ловию

чай № 31

наследы Толстой переселся Пушкиным, сверху нацепил шкуру и поехал в маскарад. Ф.М. Достоевский, шурство ему небесное, увидел его и кричит: "Спорим, это Лев Толстой! Спорим, это Лев Толстой!"

Случаи ,
приписываемые
Хармсу

Случаи ,
приписываемые
Хармсу

Случай № 9

Лев Толстой оченно раб с ними весь день и "Сенца, - говорит, - ан Она возражает: "Левуши и мир" переписываю". знал, что тебе мой милое "Я!" И костью руке.

любил детей. Однажды он не прожогался. Пришел к эсене, желчик, сулий мне торону, на, ты эсе видишь - я "Войну "А-а! - возопил он, - я так и ратурий фильм доресе зурозил в его судорожной

ПРОФАННЫЙ МИФ (ТВОРЧЕСТВО)

Случай № 34 из приписываемых Д. Харису

Ав Толстой очень любил играть на балалайке (и, конечно, детей). Но не умел. Бывало, пишет роман "Война и мир", а сам думает: тер-дер-цель-тер-цель-цель-цель!..
Или: дра-м-пра-м-дра-м-тарара-м-па-м-па-м!

«К проблеме «русского фольклора»

Булыгин в посеве встретился с парнишкой, распевавшим дятловые песни, в том числе одну, где и мелодия курлет:

В суму квартиру он ворвался,
На комиссара там парвался,
С печальным шумом облизался
И на Горохову попал.

Затем любопытство, Б. небрежно заметил, что ему не совсем понятно - к чему бы это тут «с печальным шумом облизался», и что оно, собственно, означает?

- Чего это непонятно? - удивился парнишка. - Ну, облизался... забрал у него, значит, револьвер там... палочко... Облизали. Ну и, значит, фрустис ему при этом было. Очень давно понятно».

(Тунзбург А. Цит. соч., с. 194-195).

ПРОФАННЫЙ МИФ (ТВОРЧЕСТВО)

«Классическая книга выделяла из себя ходячие знаки эмоциональных и социальных смыслов. В сознании интеллигента она была плотностью общекультурных ассоциаций. «Евгений Онегин» - что это, собственно? Из чего это состоит? Из статей Белинского? Из смерти Пушкина на дуэли? Из оперы, где перед гобеленом Ленский с чувством поет парусийные стихи? Из стихов Пушкина? Из стихов Лермонтова?»

Вспетый им с такою чуждой силой,
Сразенный, как и он, безжалостной рукой...

Если разобрать. Если прочитать «Онегина», как таковое. В интеллигентской среде это удавалось разве детям, читающим книги, которые им еще рано читать.

Другое дело - человек приобщающийся. На радио я ужасалась сперва, на вопросы об основных свойствах Маяковского или Пастернака получая порой самые неподходящие ответы. Потом я привыкла и поняла: при отсутствии культурно-исторической апперцепции межличностная связь понятий не необходима. Оказывается, толковый человек нашего времени может прочитать «Ревизера» и не заметить, что Хлестаков врет. У него курьезно еще создать апперцепцию. Это и есть дело преподавателя».

Тунзбург А. Цит. соч., с. 230.

«Триша Тунковский» рассказал о встрече с французской романс-эксцентричной и безраздельной русской девушкой и замечательными преислови-с.и. «В характере «ролика нет ничего неправдоподобного, - пишет автор, - так как все это совершенно в русских нравах. Героиня самой их популярной комедии «Теря от ума» каждую ночь проводит с полудурным человеком, не занимаясь ничем, кроме музыки. И в течение ста лет в России никто в этом не усомнился».

Тунзбург А. Цит. соч., с. 228.

ПРОФАННЫЙ МИФ (ТВОРЧЕСТВО)

«Вам, без сомнения, когда-нибудь случалось слышать голос, называющий вас по имени, который простолуживым объясняет тем, что душа стесновалась за человеком и призывает его, после чего следует неминуемо смерть. Признаюсь, мне всегда был страшен этот таинственный зов. Я помню, что в детстве часто его слышал: иногда вдруг позади меня кто-то явственно произносил мое имя. День обыкновенно в это время был самый ясный и солнечный; ни один лист в саду на дереве не шевелился, тишина была мертвая, даже кузнечик в это время переставал кричать; ни души в саду; но, признаюсь, если бы ночь самая бешеная и бурная, со всем шумом стихий, настала меня одного среди непроходимого леса, я бы не так испугался ее, как этой ужасной тишиной среди безоблачного дня. Я обыкновенно тогда бежал с величайшим страхом и занимаясь думанием из сада, и тогда только успокаивался, когда попадался мне навстречу какой-нибудь человек, вид которого изгонял эту страшную сердечную пустынню».

Тоголо Н.В. Старосветские помещики. -

В кн.: Повести. - М.: Художественная литература, 1979. - С. 104-105.

«В первом издании шестая глава сканчивалась следующим образом:

А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремлету сердца оживляй,
В мой угол чаще приставай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь
И наконец скаменеть
В мертвящих утробах света,
Среди бездушных гордецов,
Среди двустепенных глупцов,
Среди лукавых, малодушных,
Шальных, балованных детей,
Злодеев и смешливых и скучных,
Тупых, привязчивых судей,
Среди покеток богомольных,
Среди холопов добровольных,
Среди вседневных, модных сцен,
Учтивых, ласковых измен,
Среди холодных приговоров
Местокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Расчетов, дум и разговоров,
Всем омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья».

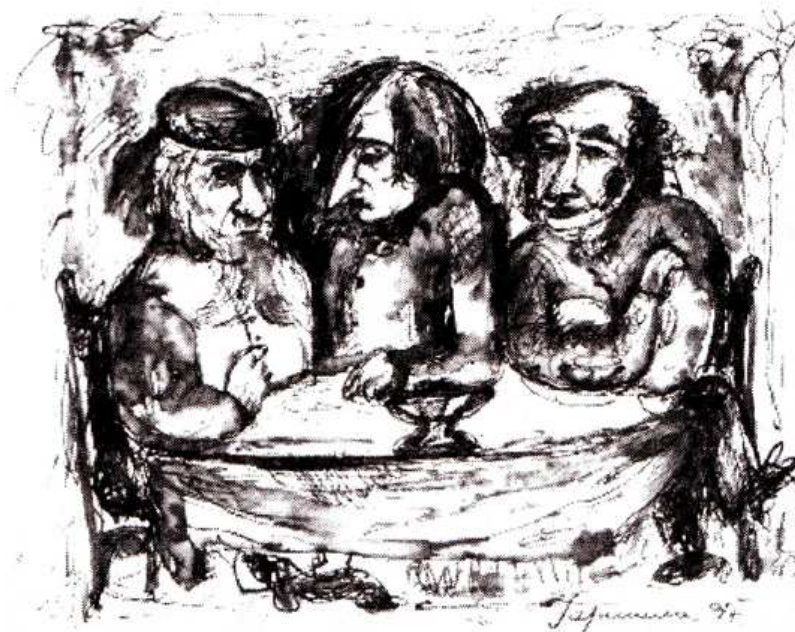
Примечание № 40 к «Евгению Онегину». - Пушкин А. Стихотворения.

Т. 3 Малой серии «Библиотеки поэта». - Л.: Советский писатель, 1954. - С. 217-218.

ПРОФАННЫЙ МИФ (ТВОРЧЕСТВО)

«Читатели помнят прелестное описание
петербургской ночи в цинкании Гюгюга:

Вот ночь: но не меркнут золотистые полосы облак.
Без звезды и без месяца вся озаряется дальность.
Ни взморье далеко, ни среднестые видны ветрила
Чуть видных судов, как по синему небу плывущих.
Сияют и бесшумным небу почине сияет,
И пурпур заката сливается с золотом востока:
Как будто утренняя за вечером следом выводит
Румянец утро. - Была то едина золотая,
Как летние дни полищают владения ночи;
Как взор издеши на северном небе плывет
Сияние вседневное тени и сладкого света,
Каким никогда не украсится небо полудня;
Там яхность, пурпурная прелесть северной девы,
Которой глаза голубые и алые щелки
Едва оттеняются русыми локонами волнами.
Тогда над Невой и над пыльными Петропелем видят
Без шума ветра и быстрого ночи без тени:

Тогда Филомела полнотные песни лишь почит
И песни заводит, приветствуя день восходящий.
Но поздно: повеяла свежестя на некие туманы; /.../
Вот полночь: шумевшая вечером тысячьего весла,
Нева не колыхнет; развезались юсти фрагские;
Ни гласа на брег, ни зыбви на вью, все тихо;
Лишь изредка гул от мостов пробегнет над водою,
Лишь крик протяженный из дальней промчитя деревни,
Тут в ночь ослипаются ратная стража со стражей.
Все спит...»

Примечание № 8 к «Евгению Онегину». - Пушкин А. Стихотворения.

Т. 3 Малой серии «Библиотеки поэта». - Л.: Советский писатель, 1954. - С. 213-214.

Тонкими ветвями лучами,
 В окрестных гор уже снега
 Сбежалимутными ручьями
 На потопленные луга.
 Улыбкой ясной природа
 Свободой встречает утро года;
 Синея блещут небеса.
 Еще прозрачные, леса
 Как будто пухом зеленеют.
 Пчела за данью полевой
 Летит из кельи восковой.
 Долины сохнут и пестреют;
 Стада шумят, и соловей
 Уж пол в безмолвии ночей.

Как грустно мне твое явленье,
 Весна, весна! пора любви!
 Какое томное волненье
 В моей душе, в моей крови!
 С какими тяжкими умилением
 Я наслаждаюсь думою твою
 В лице мне веющей весной
 На лоне сельской тишины!
 Или мне чуждо наслаждение,
 И все, что радует, живит,

Все, что живет и блещет,
 Наводит скуку и томленье
 На душу мертвую давно
 И все ей кажется темным?
 Или, не радуясь возврату
 Погибших осенью листов,
 Мы помним горькую утрату,
 Внимая новому шуму лесов:
 Или с природой оживленной
 Сближаем душою смущенной
 Мы увяданье наших лет,
 Которым возрождения нет? [...]
 Был вечер. Небо меркло. Воды
 Струились тихо. Муки журчала.
 Уж расходились хороводы;
 Уж за рекой, дымясь, пылал
 Огонь рыбачий. В поле чистом,
 Луны при свете серебряном
 В свои мечты погружена,
 Татьяна долго шла одна.

А.С.Пушкин. «Евгений Онегин».
 Глава седьмая (отрывки)

«Можно ли требовать внимания публики к таким произведениям, какова, например, глава седьмая «Евгения Онегина»? Мы сперва подумали, что это мистификация, просто шутка или пародия, и не прежде уверились, что эта глава семь есть произведение сочинителя «Руслана и Людмилы», пока книгопродавцы нас не убедили в этом. Эта глава семь, - два маленькое печатные листика, - исполнена такими стихами и балагурством, что в сравнении с ними даже «Евгений Вельский» кажется чем-то похожим на дело. Ни одной мысли в этой всякистой седьмой главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения! Совершенное падение [...]. Читатели наши спросят, какое же содержание этой главы в 57 страничек? Стихи «Онегина» увлекают нас и заставляют отвечать стихами на этот вопрос:

Ну как рассеять горе Татьяны?
 Вот как: посадят деву в сани
 И повезут из милых мест
 В Москву на ярманку невест!
 Мать плачется, скучает дочка:
 Коней, седьмой главе - и точка!

(Фрагмент одной из рецензий,
 процитированных Пушкиным в
 «Предисловии к «Евгению Онегину»)

Точно так, любезные читатели, все содержание этой главы в том, что Татьяну везут в Москву из деревни!»

«О «Цыганах» одна дама заметила, что во всей поэме один только честный человек, да и то медведь. Покойный Рылеев негодовал, зачем Алеко водит медведя и еще собирает деньги с газетной публики. Вяземский повторил то же замечание. (Рылеев просил меня сделать из Алеко хоть кузнеца, что было бы не в пример благороднее). Всего бы лучше сделать из него чиновника 8 класса или помещика, а не цыгана. В таком случае, правда, не было бы и всей поэмы, та tanto medeo» [не тем лучше - итал.].

А.С.Пушкин. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений. - В кн.: Болдинская осень. Стихотворения, поэмы, маленькие трагедии, повести, письма, критические статьи, написанные А.С.Пушкиным в селе Болдине Лукояновского уезда Нижегородской губернии осенью 1830 года / Составитель Н.В. Колосова. - М.: Молодая гвардия, 1974. - С. 303.

ПРОФАННЫЙ МИФ (ТВОРЧЕСТВО)

Известна одна особенность Тоголя - «зазеркальность» восприятия мира, проявляющаяся, например, в инверсии (лево-право, земное-небесное, божественное-урьявольское), в пристрастии ко всякого рода маскам, личинам, в любви к переосаждениям и т.п. Эта искаженная, «зазеркальная» логика хорошо просматривается на любом уровне текста:

«Антон Тропосфьевич был совершенно удручательным человеком во всем значении этого слова: даст ли ему кто из почетных людей в Миргороде платок на шею или исподнее - он благодарит; шепнет ли ему кто слегка в нос, он и тогда благодарит. Если у него спрашивали: «Отчего это у вас, Антон Тропосфьевич, спортук коричневого, а рукава голубые?» - то он обыкновенно всегда отвечал: «А у вас и таково нет! Подосудите, одиосудите, всео будет одинаково!»». И точно: голубое сукно от действия солнца начало сворачиваться в коричневое и теперь совершенно походит под цвет спортука! Но вот что странно: что Антон Тропосфьевич имеет обыкновение сукноное платок носить летом, а нанковое зимой».

Однако выяснилось, что все «человеческие «зазеркальные штуки» - просто детский лепет по сравнению с инфернальными выдумками школьных методистов!

Рефертарно-методическая библиотечка «Я вхожу в мир искусств» (выпуск № 199 «Уроки Пушкина») предложила «Материалы к проведению КВН для старшего школьного возраста «Как на Ваших именины» (с. 60-61), где в числе конкурсных заданий были составлены задания для дуэты «Перевертыши»:

«Я называю произведения поэта, где в названии слова заменены на противоположные, например, было с простой курице - сказка о золотом петушке».

1-й блок

Кавалер-уверяник - Барышня-крестьянка
Торсу - Деревня
Расточительная дама - Скучной романро
Летняя распутьца - Зимняя дорожа
Жара и месяц, ночь ужасная - Мороз и солнце, день чудесный

2-й блок

Генеральский сынок - Капитанская дочка
Ангел - Бесы
Летний вечер - Зимнее утро
Встреча - Разлука
Он ее ненавидел - Я вас любил

3-й блок

Заряду - Выстрел
Вестры-полицейские - Братья-разбойники
Трофимовый король - Пиковая дама
Трофимуров - Дубровский
Он забыл мучительные годы - Я помню чудное название

4-й блок

Дождю - Метель
Белая шапка - Черная шапка
Свободный - Узник
К пустыне - К морю
Были об очень живом холосте и семи увах - Сказка о мертвой царевне и семи богатырях

ПРОФАННЫЙ МИФ (ТВОРЧЕСТВО)

5-й блок

Деревянный пешеход - Медный всадник
Ватный хозяин - Каменный гость
Спящая старуха - Турбурищие студенты
Ее тетя с самых хитрых исключений - Мой дядя с самых честных правил
Березу срубим за хизинной - Его растет перед дворцом».

Если довести до логического конца (то есть до абсурда) этот странноватенький эксперимент, то собранная останется только локти кусать - иначе, как эскапными эмиссиями, их после всего этого называть не станут. Выдохновились примером «Материалов к проведению КВН», попробуем перевести «Я вас любил...».

Начало можно позанимствовать у автора.

Я вас любил: любовь еще, быть может,	Он ее ненавидел: ненависть урсе, несомненно,
В душе моей угасла не совсем;	Из тела его заискиется окончательно;
Но пусть она вас больше не тревожит;	И не пускаю, чтобы я его меньше успокаивал;
Я не хочу печалить вас ничем,	Он издевается радовать ее кое-чем / вариант: чем-то!;
Я вас любил без величия, без издеженья,	Он ее ненавидел говорливо, с издежкой;
Но редкость, то ревностию томим;	Но то с любовью, не то отсутствием ревности свободен;
Я вас любил так искренно, так нежно,	Он ее ненавидел не совсем лицемерно, не совсем грубо,
Как дай вам бог любимой быть другим.	Так отнимает у нее урсе ненавистьюмой позаться судим и тем же.

Не правда ли, сильно смахивает на подстрочник какого-то авангардного стихотворения? «Уностранка» начала 80-х, новое имя, свежая струя... Переводу - почти подстрочник, смысл оригинала остается непроявленным, о философско-поэтических глубинах приходится только догадываться...

А как быть с названиями типа «19 октября», «Я помню себе воздух нерукотворный», «Клеветники и России», «Свободы святого пустынный...», «Фонтану Балхисарайского дворца»?

На протяжении еще разрешите процитировать еще одну методическую разработку из того же собрания - под названием «ЗДК» на прозвучие» (Опыт урматуроведческого литературоведения).

Ремарка гласит: «В центре сцены - кухонный стол. За столом два литературоведа поют чай. Слева - деревянный сервиз с обивкой каменной проволокой и двухъярусные трехъярусные пармы, на которых сидят и лежат Сивяковский, Солоненцын, Шамисов и просто зени. [...] За столом Пушкин что-то пишет гусиным пером. [Пушкин «от себя» читает монолог Пилена из «Бориса Годунова» (за наименование места цитируем только две последние строки):

Но близок день, ла.и пада урсекает -
Еще одно, последнее сказание.

На сцену выходят сталевар, военный, престыжник, врач, урениый, плотник, пятиметный ребенок.

(Зеркал.)

Пушкин - это наше все».

(Указ. сд., с 71-72.)

Валерий Панасюк

“И в памяти черной пошарив, найдешь...”

И в памяти черной пошарив, найдешь
До самого локтя перчатки,
И ночь Петербурга. И в сумраке лож
Тот запах и душный и сладкий.

Так с высоты лет, “другой жизни” и “другой культуры” Анна Ахматова искала и находила прошлое, вычисляя его формулу, состоящую из конкретных элементов: предмет, место, запах.

Та же овестьвленность и запечатленность иных времен в цикле фоторабот Ирины Гаршиной “Люби меня, как я тебя”. По двум формальным показателям (цикл посвящен дню святого Валентина и на всех работах – обнаженная модель) изообъекты с подростковым простодушием можно причислить к разряду эротических. Но с тем, что составляет предмет, цель и сверхзадачу эротического, – телом – тут происходит нечто неожиданное. Оно подвергается культурологическим метаморфозам, в результате чего утрачивает свою физиологическую конкретику и превращается в некую “эстетическую абстракцию” (по С.Зизенштейну). Этот процесс “утраты тела” связан с помещением его в контекст определенного культурного пространства.

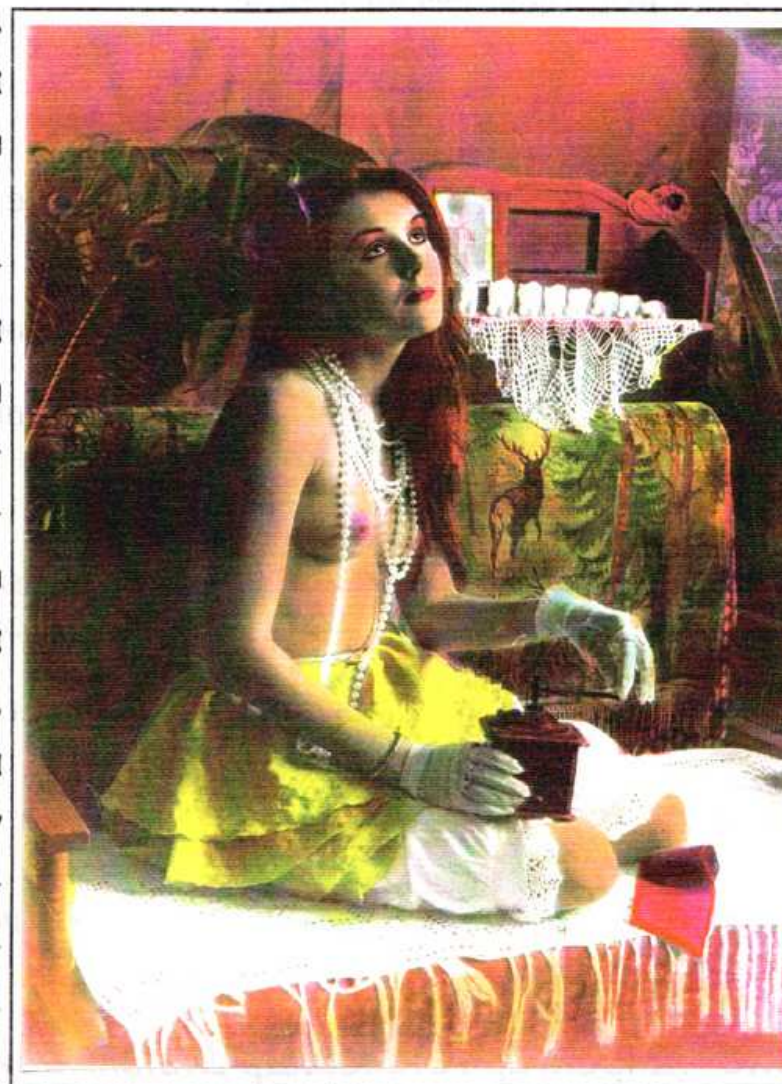
Например, одна из гаршиновских работ по драматургии композиции и аксессуарам соотносима с декоративным трагизмом “Ночного портъе” Лилианы Кавани. Другие работы представляют собой озвученную полифонией постмодернистской культуры “глухонемую” эстетику поездов – лубочно раскрашенную фотокарточку, некогда предлагаемую с пластикой цирковых иллюзионистов всякому пассажиру советской железной дороги. Именно дистанцированный кич, во всей совокупности своих компонентов (технических и художественных), дает эффект новизны и смысловой игры. Ирина Гаршина делает черно-белую фотографию, раскрашивает ее “тайным”, только ей ведомым способом, тем самым достигая смыслового совпадения-несовпадения объема и цвета, включая в игру эстетическую память зрителя.

Ирина Гаршина играет с прошлым, используя элементы ахматовской формулы – предмет и место. Ее модели помещены в пространство многофункциональных (гостиная, столовая, спальня одновременно) советских комнат с обязательными, некогда заклеятыми, а ныне полисемантическими фикусами и слониками, самодельными полочками и охристыми гобеленами пятидесятых.

Гаршиновские “ню” такие по-ахматовски “нарядно-обнаженные” и одновременно такие октябрятско-пионерские (с детскими флажками в руках), что утрачивают свой эротический потенциал и становятся материализованным духом прошлого в настоящем. Они, как та “до самого локтя перчатка”, как обтянутая красным шелком коробка из-под “Красной Москвы”, хранящая эхо ароматов наших нарядных мам и наших детских праздников: прогулок в скверах и садах, катания на каруселях, посещения “оперы днем” и театральных буфетов.

P.S. ... Вообще для Ирины Гаршиной – “по жизни” и в творчестве – важны моменты инфантилизма, невзрелости, которые становятся охраняющим и вдохновляющим элементом ее искусства и жизнеустройства.

Отсюда, например, данный крылатый щип под зонтом почески-лунному пейзажу Гоголя на другом помещен в подробно легко узнаваемый дождницы. Таким, наивным приемом дистанция между “нашим современным” и “прошлым” становится И.Гаршиной сегодня своим. Это,

И.Гаршина. Татьяна Ларина – в мечтах о Пушкине

которые становятся вдохновляющим элементом искусства и, например, неожиданным Гоголем, бреду-сомнамбулизму. Этот же лотне... перепрописанный и интерьер художника, казалось бы, устраняется “нашим современным”. “Веливится для ныншним, обы-как у Марины

Цветаевой, – концептуальное «мой». У Гаршиной тоже есть «свой Пушкин». Это Пушкин на детской деревянной лошадке, во главе причудливой колонны домашних, в шествии своем напоминающих первомайских демонстрантов из советского детства самой художницы. Пространства времен смещаются, соединяя и уравнивая мир детства и мир искусства как высокой игры.

